

СВЕТЛЯЧОК

Давным-давно, а если точнее — четырнадцать-пятнадцать лет назад — я жил в студенческом общежитии. Было мне тогда восемнадцать, и я только поступил в институт. Токио я не знал вовсе и никогда не жил один, поэтому заботливые родители сами подыскали мне это жилье. Естественно, стоимость играла не последнюю роль: она оказалась на порядок ниже обычных расходов одиноких людей. Будь моя воля, снял бы квартиру да жил в свое удовольствие. Но если вспомнить, во сколько обошлось поступление, прибавить ежемесячную плату за обучение и повседневные расходы — тут уж не до выбора.

Общага располагалась в Токио на холме с видом на центр города. Широкая территория окружена высоким бетонным забором. Сразу за ним по обеим сторонам возвышались ряды исполинских дзелькв — деревьям стукнуло по меньшей мере века полтора. Из-под них не было видно неба — его полностью скрывали зеленые кроны.

Бетонная дорожка петляла, огибая деревья, затем опять выпрямлялась и пересекала внутренний двор. По обеим сторонам параллельно друг другу тянулись два трехэтажных корпуса из железобетона. Огромные здания. Из открытых окон играло радио. Занавески во всех комнатах — одинаково кремового цвета: не так заметно, что они выгорели давно и безнадежно.

Дорожка упиралась в расположенное по центру главное здание. На первом этаже — столовая и большая баня. На втором — лекционный зал, несколько аудиторий и даже комната неизвестно для каких гостей. Рядом с этим корпусом — еще одно общежитие, тоже трехэтажное. Двор очень широкий, на зеленых газонах, утопая в солнечных лучах, вращались поливалки. За главным зданием — поле для бейсбола и футбола и шесть теннисных кортов. Что еще нужно?

Единственная проблема общежития — хотя считать это проблемой или нет, мнения могут разойтись — заключалась в том, что им управляло некое сомнительное юридическое лицо, состоявшее преимущественно из ультраправых элементов. Чтобы это понять, вполне достаточно было прочесть рекламный буклет и правила проживания: «Служить идеалам воспитания одаренных кадров для укрепления родины». Сие послужило девизом при создании общежития: согласные с ло-

зунгом финансисты вложили частные средства... Но это — лицевая сторона. Что же касается оборотной, истинного положения вещей не знал никто. Одни говорили, это уход от налогов, другие — афера для получения первоклассного участка земли под предлогом создания общежития, третьи — обычная самореклама. В конечном итоге особой разницы нет. Так или иначе, я прожил в этом подозрительном месте ровно два года — с весны 1968-го по весну 1970-го. В быту различия между правыми и левыми, лицемерием и злорадством не так уж велики.

День общежития начинался с торжественного подъема государственного флага. Естественно, под государственный же гимн. Как спортивные новости неотделимы от марша, подъем флага неотделим от гимна. Площадка с флагштоком располагалась по центру двора и была видна из каждого окна каждого корпуса общежития.

Подъем флага — обязанность начальника восточного (где жил я) корпуса, высокого мужчины лет пятидесяти, с проницательным взглядом. В жестковатой по виду шевелюре пробивалась седина, загорелую шею пересекал длинный шрам. Я слышал, он окончил военную школу в Накано. За ним следовал студент в должности помощника поднимающего флаг. Студента этого толком никто не знал. Острижен наголо, всегда в студенческой

Харуки Мураками

форме. Я не знал ни его имени, ни номера комнаты, где он жил. И ни разу не встречался с ним ни в столовой, ни в бане. Я даже не знал, действительно он студент или нет. Раз носит форму, выходит — студент, что еще можно подумать? В отличие от накановца, он был приземист, толст и бледен. И эта пара двух абсолютных антиподов каждый день в шесть утра поднимала во дворе общежития флаг.

В первое время я из любопытства нередко просыпался пораньше, чтобы наблюдать столь патриотическую церемонию. В шесть утра, почти одновременно с сигналом радио, парочка показывалась во дворе. Униформист держал тонкую коробку из павлонии, накановец нес портативный магнитофон «Сони». Накановец ставил магнитофон на ступеньку площадки флагштока. Униформист открывал коробку, в которой лежал аккуратно свернутый флаг. Униформист почтительно передавал флаг накановцу, который привязывал его к тросу. Униформист включал магнитофон.

Государственный гимн.

Флаг легко взвивался по флагштоку.

На словах «...из камней...» он находился еще примерно посередине, а к фразе «...до тех пор» достигал верхушки. Эти двое вытягивались по стойке смирно и устремляли взоры на развевающееся по-

лотнице. В ясную погоду, когда дул ветер, вполне даже смотрелось.

Вечерний спуск флага производился с аналогичной церемонией. Только наоборот: флаг скользил вниз и укладывался в коробку из павлонии. Ночью флаг не развевался.

Я не знаю, почему флаг спускали на ночь. Государство остается государством и в темное время суток, немало людей продолжает работать. Мне почему-то казалось несправедливым, что путеукладчики и таксисты, хостессы в барах, пожарные и охранники не могут находиться под защитой государства. Но это на самом деле не столь важно. И уж подавно никто не обижался. Думал об этом, пожалуй, только я один. Да и то — пришла в голову мысль и унеслась прочь.

По правилам общежития, перво- и второкурсники жили по двое, студентам третьего и четвертого курсов предоставлялись отдельные апартаменты.

Двухместные комнаты напоминали вытянутый пенал примерно в десять квадратных метров. Напротив входа — алюминиевая рама окна. Вся мебель максимально проста и массивна: по два стола и стула, двухъярусная железная кровать, два ящика-гардероба и самодельная книжная полка. На полках почти во всех комнатах ютились в ряд транзисторные приемники и фены, электрические чайники и термосы, растворимый кофе и чайные

пакетики, гранулированный сахар и кастрюльки для варки лапши, а также обычная столовая посуда. К отштукатуренным стенам приклеены постеры из «Плейбоев». На подставках над столами выстроились учебники, словари и прочая литература.

Ожидать чистоты в юношеских комнатах было бессмысленно, и почти все они кошмарно заросли грязью. Ко дну мусорного ведра прилипла заплесневевшая мандариновая кожура, в банках, служивших пепельницами, громоздились горы окурков. В кружках — засохшая кофейная гуща. На полу валялся целлофан от сублимированной лапши, пустые пивные банки, всякие крышки и непонятные предметы. Взять веник, замести на совок мусор и выбросить его в ведро никому не приходило в голову. На сквозняке с пола столбом подымалась пыль. Какую комнату ни возьми — жуткая вонь. Под кроватями у всех копилось грязное белье, матрас сушится, когда придется, и ему ничего не оставалось, как впитывать сырость, источая устойчивый смрад затхлости.

По сравнению с прочими, в моей комнате было чисто, как в морге. На полу — ни пылинки, пепельница всегда вымыта, постель сушилась регулярно раз в неделю, карандаши собраны в пенал, на стене вместо порнографии — фото канала в Амстердаме. Мой сосед по комнате болезненно относился к чистоте. Он сам наводил порядок. Даже

иногда стирал мне вещи. Я же не шевелил и пальцем. Стоило мне поставить на стол пустую пивную банку, как она тут же исчезала в мусорном ведре.

Этот мой сосед изучал географию в одном государственном университете.

— Я изучаю ге-ге-географию, — сказал он, едва мы познакомились.

— Карты любишь? — спросил я.

— Да. Вот закончу учиться — поступлю в Государственное управление географии. Буду ка-карты составлять.

Я восхитился: в мире столько разных желаний и целей жизни. Мне до сих пор не приходилось задумываться, какие люди и по каким соображениям составляют карты. Однако заикающийся всякий раз на слове «карта» человек, который спит и видит себя в Государственном управлении географии, — это нечто. Заикался он, конечно, не всегда, но на слове «карта» — постоянно.

— А тво-твоя специализация? — спросил сосед.

— Театральное искусство.

— В смысле, в спектаклях играть?

— Нет, не это. Читать и изучать драму. Там... Расин, Ионеско, Шекспир...

— Я, кроме Шекспира, больше никого не знаю, — признался он.

— Я и сам раньше о них не слышал. Просто эти имена стоят в плане лекций.

— Ну, то есть тебе нравится?

— Не так, чтобы...

Ответ его смутил. И по мере замешательства заикание усилилось. Мне показалось, что я совершил страшное злодеяние.

— Да мне было все равно, — пояснил я. — Хоть индийская философия, хоть история Востока. Подвернулось театральное искусство — только и всего.

— Не понимаю, — сказал он с действительно непонимающим видом. — Во-вот мне... нравятся ка-карты, поэтому я изучаю ка-ка-картографию. Для этого я специально поступил в столичный институт, получаю регулярные переводы на обучение. А у тебя, говоришь, все не так?..

И он был прав. Я уже не пытался что-либо объяснить. Затем мы вытянули на спичках, где кому спать. Он выбрал верхнюю койку.

Сосед постоянно носил белую майку и черные брюки. С наголо обритой головой, высокого роста, сутулый. На учебу непременно надевал форму. И ботинки, и портфель были черными как сажа. По виду — вылитый студент с правым уклоном, причем многие его таковым и считали, хотя, по правде говоря, он не питал к политике ни малейшего интереса. Просто ему было лень подбирать себе оде-

жду, он так и ходил — в чем был. Его интересы ограничивались изменениями морских береговых линий или введением в строй новых железнодорожных тоннелей. И стоило зайти разговору на эту тему, он мог, заикаясь и запинаясь, говорить и час, и два — пока собеседник либо засыпал, либо бежал от него прочь.

От раздававшегося ровно в шесть утра гимна он просыпался, как по будильнику. Выходило, что показательная церемония поднятия флага не совсем бесполезна. Одевался и шел к умывальнику. Процесс умывания был долог. Казалось, он по очереди снимает и вычищает все свои зубы. Возвращаясь в комнату, с хлопком расправлял и вешал сушить на батарею полотенце, клал на место мыло и зубную щетку. Затем включал радио и начинал утреннюю гимнастику.

Я обычно ложился поздно и спал бы еще крепким сном, не реагируя на его утреннюю возню и шум. Но когда он переходил к прыжкам, я не мог не проснуться. Еще бы: при каждом его подскоке — и нужно заметить, высоком, — моя голова подлетала над подушкой сантиметров на пять. Тут уж не до сна.

— Знаешь, — не выдержал я на четвертый день, — не мог бы ты делать гимнастику где-нибудь на крыше? А то ты мне спать не даешь.

— Не годится. Буду заниматься на крыше —

начнут жаловаться с третьего этажа. Здесь-то первый, под нами — никого.

— Ну тогда занимайся во дворе. На травке, а?

— Тоже не годится. У ме-меня не транзисторный приемник. Без розетки не работает. А не будет музыки — я не смогу делать зарядку.

И в самом деле: его древний приемник работал только от сети. С другой стороны, транзистор был у меня, но он принимал только музыкальные стереопрограммы. «И что теперь?» — спросил я себя.

— Давай договоримся. Зарядку делай, только убавь громкость и подпрыгивай вот так — «прыг-скок», а? А то ты не прыгаешь, а скачешь. Идет?

— «П-прыг-скок»? — удивился он. — Что это такое?

— Когда прыгаешь, как зайчик.

— Таких прыжков не бывает...

У меня разболелась голова. Сначала подумал: а и черт с ним, — но коли завел разговор сам, нужно разобраться до конца. Напевая главную мелодию радиогимнастики, я показал ему «прыг-скок».

— Видишь? Вот так. Такие бывают?

— То-точно, бывают. А я не замечал!

— Ну вот. — Я присел на кровать. — Все остальное я как-нибудь потерплю — только брось скакать, как лошадь. Дай мне поспать.

— Не годится, — просто сказал он. — Я не могу ничего выбрасывать. Я такую гимнастику делаю

уже десять лет. Каждое утро. Начинаю, и дальше — все машинально. Выброшу что-то одно, и пе-пе-перестанет получаться все остальное...

— Ну тогда не делай вообще.

— Зачем ты так говоришь? Будто приказываешь.

— Ничего я не приказываю. Просто хочу спать часов до восьми. А если и просыпаться раньше, то не как ошпаренный, а вполне естественным образом. Только и всего. Понятно?

— Поня-а-атно.

— И что будем делать?

— Просыпаться и делать зарядку вместе со мной.

Я опустил руки и завалился спать. Он же продолжал делать гимнастику, не пропуская ни одного дня.

Когда я рассказал о соседе и его утренней гимнастике, она прыснула. Я не собирался делать из рассказа комедию, но в конечном итоге ухмыльнулся и сам. Давно я не видел ее веселой, хотя спустя мгновение улыбка уже исчезла с лица.

Мы вышли на станции Йоцуя и шагали по насыпи к Итигая¹. Воскресный вечер в середине мая. До обеда накрапывал дождик, но теперь тяжелые

---

¹Станции Центральной линии железнодорожной сети «Джапэн Рэйлруд». — *Здесь и далее прим. переводчика.*